

*Головнёва Е.В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и дизайна,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

СТРУКТУРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В данной работе на материале анализа отечественных и зарубежных исследований региональной идентичности предлагается модель ее структурирования, дается характеристика когнитивной, ценностной, эмоциональной и регулятивной составляющей этого феномена. Выделенные компоненты рассматриваются как каналы определения и формирования региональной идентичности. На основе содержательной характеристики структурных компонентов определяются особенности региональной идентичности как формы коллективной идентичности.

Ключевые слова: региональная идентичность, структура региональной идентичности, локальное, чувство места, коллективная идентичность.

Несмотря на то, что исследование идентичности является традиционной темой в гуманитарных науках, изучение проблем, непосредственно связанных с явлениями регионального и кросс-регионального уровня, до сих пор носит в отечественных работах эпизодический характер. Такое положение дел во многом объясняется отсутствием теоретико-методологической концептуализации понятия «региональная идентичность», а также междисциплинарными барьерами в ее изучении.

В действительности, как показывает мировой и российский опыт, актуальность «регионального фактора» не снижается, а лишь варьируется сообразно политической обстановке. В условиях глобализации и глокализации наблюдается, с одной стороны, ситуационные кризисы идентичности, с другой, - активация регионального потенциала и региональной идентичности. Осознание механизмов развития региональной идентичности и сценариев ее дрейфа необходимо для предупреждения негативной идентичности и развития ресурсов многокультурности.

В данной работе предлагается рассмотреть региональную идентичность как особую форму коллективной идентичности, выделить ее особенности и структурные компоненты. Представляется, что данный подход позволит определить условия формирования и трансформации региональных идентичностей в контексте социодинамики региональных культур.

Опираясь на представления о коллективной идентичности, сложившиеся в научной литературе, можно зафиксировать несколько аспектов исследования региональной идентичности, способных прояснить ее теоретический статус и являющихся взаимодополнительными при ее изучении как социокультурного феномена. Это эссенциалистская идея об обусловленности коллективной идентичности рядом факторов (территориальным, этнокультурным, языковым, религиозным, историко-культурным и т.п.); указание инструменталистов на такие основные функции коллективной идентичности, как психологическая защита в мире отчуждения и мобилизация социальных групп на защиту своих интересов; идея конструктивистов о пространственно-временной и ситуационной относительности содержания коллективной идентичности. Последний подход акцентирует внимание на том, что идентичность — это нечто такое, что может выбираться, что может быть сконструировано и чем можно манипулировать. Идентичности в инструменталистской и конструктивистской трактовке рассматриваются не как предписываемые, а как достигаемые.

Каждый из этих аспектов обуславливает свою расстановку приоритетов в исследовании региональной идентичности. Так, если мы соотносим региональную идентичность с осознанием образа своей территории как ментально-духовного пространства, при исследовании региональной идентичности мы должны обращать внимание на специфику действующих норм и ценностей, отношений людей в рамках региона, их ассоциаций, воспоминаний; а когда мы рассматриваем региональную идентичность как средство достижения обособления в политико-административном смысле, на первый план выходят вопросы, связанные с созданием привлекательности имиджа своего региона, построения брендинговой стратегии региона.

Различные аспекты анализа региональной идентичности обозначают проблему понимания ее содержательного наполнения. Какие именно компоненты можно выделить в ее структуре? Как они взаимосвязаны между собой? Представляется, что ряд характеристик содержательного плана

региональная идентичность может получить на основе рассмотрения ее именно как особой формы коллективной идентичности.

В отличие от других форм коллективной идентичности (этнической, например), региональная идентичность в качестве фокуса, объекта отражения имеет географически фиксируемую локальность, место, территорию. В этой связи, методологически важное значение для исследования региональной идентичности в данной статье имеют работы отечественных и зарубежных авторов, связанных с изучением *place identity*, *place attachment*. Для изучения содержания региональной идентичности привлекаются также работы, связанные с рассмотрением структуры коллективной идентичности в целом, и в особенности исследования, выделяющие в составе коллективной идентичности когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты [8; 13]. Региональная идентичность определяется как форма коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному самоотношению с внешним миром.

Когнитивный компонент присутствует во многих дефинициях региональной идентичности, нередко составляя ее основное содержание. Когнитивную сферу составляет сложная система знаний представителей региона о собственной региональной общности, о занимаемой геокультурной реальности (особенностях территории, ландшафта, языка, традициях, истории и т.п.), свойствах и особенностях региона. При таком понимании региональной идентичности актуальным оказывается понятие «географические образы». По определению Д.Н. Замятина, они представляют собой «устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне» [6, 92]. В условиях информационного общества, развития различных технологий воздействия на общественное мнение, усложнения социальной реальности в целом, функционирование региональной идентичности становится все более разнопланово детерминированным и многофакторным. В постмодернистской трактовке региональная идентичность предстает как «бриколаж» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени» [5, 198].

При формировании образов региональной идентичности наиболее значимыми факторами академик В.А. Тишков считает природный и культурный

ландшафт, наиболее известные памятники природного и культурного наследия, исторические и политические события, связанные с географическими объектами, нанесенными на карте, знаменитые люди, чья биография и деятельность связаны с географическими объектами [7, 27]. Образ региона предстает как совокупность символов, связанных с определенной территорией, накопленных в определенной культуре и репрезентированных через произведения литературы, музыки и живописи, кинофильмы, различные документальные источники, а также местные городские ландшафты, архитектуру, памятники и т.д. С одной стороны, образы региональной идентичности являются продуктом восприятия региональной культуры общественным сознанием, с другой стороны, они представляют собой результат и форму концептуальной организации и интеграции представлений о регионе.

Целенаправленно создаваемые образы региона определяются как его имидж. Имидж представляет собой не просто образ как результат отражения в сознании субъекта под определенным углом зрения, а образ, сформированный в результате целенаправленной деятельности по искусственному изменению данного отражения, то есть имидж региона выступает как инструмент преобразования и конструирования социальной реальности. Деятельность по оптимизации региональных образов может быть реализована в рамках такой социальной практики, как создание позитивного имиджа региона, и основываться на включении в процесс формирования представлений о регионе субъекта, профессионально владеющего указанной практикой.

Ценностный компонент региональной идентичности. Финский исследователь А. Пааси, предлагает отличать идентичность региона (как аналитический конструкт, используемый политиками, культурными активистами и пр.) от региональной идентичности, связанной, в первую очередь, с идентификацией с определенным местом [19, 167-168]. Если понимать региональную идентичность как субъективную связь человека/регионального общества с *местом* его проживания, то в поддержании региональной идентичности определяющую роль играют не идеологические мотивы, а культурные ценности. Давая типологическую характеристику региональной идентичности, М.В. Назукина в качестве ее доминирующего типа в России выделяет вариант сильного внутреннего единства населения региона на основе культурно-ценностной идентификации, подчеркивая значимость культурных ценностей в ее воспроизводстве [9, 14]. Данное исследование показывает, что ценности региональной культуры до сих пор обладают значительной устойчивостью, несмотря на

современный «культурный номадизм» и ситуацию «дисплейсента» (А.Аппадурраи), выражающейся в отсутствии социального прикрепления к какой-либо одной географической точке.

Зарубежные исследователи также обращают внимание на значимость ценностной компоненты в структуре региональной идентичности, выявляя ее символическое и историческое измерения (запечатленные в историко-культурном и природном ландшафте). Так, И.Ф. Туан рассматривает место как преобразованное пространство, наделенное ценностным содержанием, приобретаемым символическую форму [21]. Согласно А. Пааси, региональные символы и значения объединяют прошлое, настоящее и будущее региона, они играют ключевую роль в обозначении экономического и политического единства региона как «изнутри», так и «снаружи». Значение символов состоит в производстве и воспроизводстве социальной целостности и социально-пространственной отличительности. [19, 167]. Символическую природу имеет название региона, материальные объекты (памятники, архитектурные сооружения), значимые личности, ритуальные действия (праздничные события, жизненный стиль регионального сообщества).

Региональная идентичность тесно связана также с проблемами восприятия времени и толкования культурного прошлого, воображаемой идентификацией. Региональная идентичность конструируется посредством обращения к «перевернутой», внутренне ориентированной истории, которая обращается в прошлое, к усвоенным моделям происхождения [18]. С точки зрения Дорин Мэсси, идентичность места выражается в рассказываемых историях, в том, как они рассказываются и какая из этих историй превалирует [17].

Различия в общей направленности на определенные ценностные ориентации не обязательно должны быть полностью отрефлектированы и вербализованы, но хотя бы частично они осознаются и воспринимаются и тем самым входят в состав региональной идентичности. В то же время, нельзя не отметить, что для региональной идентичности характерна ценностная гетерогенность, неоднородность, мозаичность, так как она определяется множеством социальных субъектов, ценности которых могут не только не совпадать, но и носить антагонистический характер. В своей работе Е.В. Дзякович выделяет в идентичности микрорегионального уровня наличие различных групповых концептосфер: профессиональных, возрастных, гендерных, территориальных, а также противостояние «низовой» и «официальной идентичности» [3, 32]. Присутствие множества дискурсов в региональной идентичности

обуславливает известную фрагментированность, противоречивость и неопределенность этого феномена.

Региональная идентичность предстает как динамическая структура, которая обнаруживается в процессе формирования «репертуара» повседневных практик [19, 165]. Подвижность региональной идентичности вызвана в том числе объективными условиями — продолжающимися изменениями в физическом пространстве (перемещением границ, изменением ландшафта, сменой архитектурных сооружений, институциональных форм и т.п.). С изменениями физического пространства меняются и ценностные представления, символы, жизненный уклад и социальные отношения индивидов. Региональная идентичность может усиливаться (иметь статус «артикулированной региональной идентичности») и ослабляться («исчезающая региональная идентичность») в результате изменения именно ценностной компоненты. Так, в отечественных исследованиях М.В. Назукиной и А.А. Гриценко выделяются типы российских и украинских регионов со слабой и сильно выраженной региональной идентичностью [9; 2].

Если на уровне философско-теоретического и художественного сознания суждения о региональной идентичности дополнительно поддерживаются системой объяснений и обоснований, в которых устанавливается связь региона с особенностями культуры и истории, то осознание своей региональной принадлежности на обыденном уровне, как правило, не требует рефлексии. Как отмечает И. Нарский: «проявления локальной идентичности имеют разовый, точечный характер. Для них нужны особые поводы: отъезд из родного места, встреча с земляками вдали от дома или столкновения с чужим у себя дома» [10, 152]. По мнению Л. Манцо, актуализации региональной идентичности в большой степени способствует путешествие, сопровождающееся выстраиванием различных паттернов разных социальных сред [16, 53].

В условиях «проблемной идентичности» человек стремится к изменению своего окружения, новое место выбирается как маркер начала «новой жизни» [16, 54], индивид остается жить в том месте, которое продуцирует чувство стабильности. Кроме того, в моменты кризиса глобальной культуры (например, в отсутствии национальной идеи), именно на региональном уровне могут возникать конкретные идентификаторы, выводящие личность из кризиса. «Локальная идентичность (самоотжествление человека со своей «малой родиной», с местом проживания) утверждается в открытом информационном пространстве в ходе сознательного, а порой и неосознанного противостояния обезличенным глобальным символам» [11, 11].

Это связано с функциональной особенностью региональной идентичности осуществлять первичную социализацию и удовлетворять базовую потребность человека в принадлежности к определенному сообществу.

При всей значимости культурных ценностей для регионального самоопределения, нельзя не отметить роль административного ресурса, позволяющего артикулировать свою отличительность принципиально новыми способами. Сюда можно отнести целенаправленное конструирование новых значимых идентичностей, типа «советскости», «республиканскости» и т.п., превращающих культурные и символические различия в политические. На уровне идеологии суждения о региональной идентичности систематизируются, приобретают определенность, обрастают эмпирической базой. В современной действительности, по мнению Анри Лефевра, репрезентации пространства выступают чаще всего как репрезентации власти и идеологии, которые находят свое воплощение в обжитом пространстве [15].

Эмоциональный компонент региональной идентичности включает в себя стандартные стереотипы эмоционального реагирования жителей региона на конкретные ситуации, интенсивность реакций, преобладающие эмоции. Уровень эмоциональной реактивности отличается, например, у жителей южных и северных территорий (сензитивность и эмоциональность в противовес сдержанности и флегматичности). Различен и примыкающий сюда уровень волевого контроля, который регламентирует эмоциональную сферу: «разрешает» или, напротив, «запрещает» ее представителям определенный уровень эмоционального реагирования.

Эмоциональный компонент региональной идентичности в зарубежных исследованиях эксплицируется посредством концепции «чувство места» (Д. Мэсси) и феноменологии восприятия, описывающей отношения между миром человека и его телом (М. Мерло-Понти). Феноменологический подход выступает здесь теоретической основой для описания эмоциональной привязанности человека к определенному месту и оказывается связанным с концепцией «жизненного мира» (Э. Гуссерль).

По словам Осборна, «чувство места» также укоренено в персональной идентичности, как и осознание своей принадлежности к нему [18]. А. Лефевр выделяет особый срез пространства, *lived space*, которое «скорее чувствуют, чем мыслят». Данное пространство обозначается также как «*spiritual space*» или «*genius loci*», складывающееся в сфере индивидуального бессознательного [20, 9]. На этом уровне формируются простран-

ственные привязанности, делающие нашу жизнь более устойчивой и ценностно значимой: родина, родительский дом, своя комната, любимый сквер и т.д. [1, 220]. Эмоциональная привязанность к определенным местам лежит, в частности, в основании создания особых «вернакулярных районов» в региональном пространстве - освоенных мест и связанных с ними повседневных практик. В плане внешней репрезентации подобный уровень региональной идентичности воплощается и описывается скорее средствами искусства, чем науки.

Л. Манцо отмечает, что в исследованиях *place attachment*, эмоциональная привязанность к месту обычно характеризуется как вызывающая позитивные эмоции, поскольку она архетипически связана с метафорой «дома», заключающей в себе чувство радости, защищенности, безопасности, комфорта. Однако, по мнению автора, эмоциональные реакции на место проживания амбивалентны и включают в себя, в том числе, и негативные чувства, болезненные, травматичные воспоминания (феномен «топофобии»). Таким образом, будучи гибким адаптивным свойством, региональная идентичность в своем ситуативном дрейфе может принимать как позитивные, так и негативные оттенки. Кроме того, необходимо учитывать и возможную эмоциональную связь человека с географически отделенными друг от друга местами, не связанными с его постоянным местом проживанием [16, 49-50].

Что влияет на наше чувство места и пространства? По Л. Манцо, переживание социального и культурного опыта места обусловлено не только персональными эмоциональными реакциями, оно является частью и подвержено влиянию социальных отношений (гендерных, этнических, расовых, классовых и др.), в которые включен человек. Под их воздействием формируются, в частности, «коллективные ожидания» (*collective expectations*), нарративы страха («алармистская идентичность»), ностальгии, эмоциональные поведенческие реакции на жителей региона и даже различное восприятие «дневного» и «ночного» образа жизни локуса [12].

«Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности» [14, 117]. *Регулятивный компонент региональной идентичности* включает в себя способы поведения, конкретные практики ориентирования в региональном пространстве. Сюда можно отнести, к примеру, наличие повседневных практик восприятия опасности тех или иных территорий, избегание их посещения и выработки

«безопасных» маршрутов передвижения, ритуалы посещения родственников, сакральных мест, посещение праздничных мероприятий и других, знаковых для региона, событий. Обращаясь к пространственному фактору, А. Лефевр отмечает, что пространства выполняют определенную функцию «программирования» социального поведения и повседневная жизнь буквально «колониализована» пространственной организацией. «Артикулированная региональная идентичность» выступает основой для участия в коллективных действиях для защиты региональных интересов, принятия на себя ответственности за судьбу региона, вплоть до самопожертвования [20, 12].

Таким образом, в составе региональной идентичности можно выделить когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты. Значение данных компонентов в функционировании региональной идентичности можно оценить двояко. Во-первых, объективно существующие различия по этим характеристикам (уровень эмоционального реагирования, иерархия ценностных предпочтений) служат основанием региональной идентичности в той мере, в какой они являются объектами отражения и рефлексии. Во-вторых, данные компоненты можно рассматривать как каналы определения и формирования региональной идентичности.

Предложенная модель структурирования региональной идентичности является одним из возможных способов выделения и описания ее структуры. Она может эмпирически обогащаться при конкретном изучении региональных идентичностей. Как показывают практические исследования, каждый из российских регионов представляет собой совершенно уникальный набор проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и наборе дискурсивных практик.

Все сказанное приводит к заключению о том, что сегодня актуально не только создание привлекательного образа своей территории с помощью политических технологий, но и конкретно-научное изучение содержательных особенностей региональных культур и региональных идентичностей (которые находятся в процессе внутренней динамики), задача написания истории культуры России как истории «областных культур», изучение процессов формирования самоопределения, присущих внутреннему состоянию современных регионально-локальных социокультурных обществ.

Литература:

1. Бедаш Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Ю.А. Бедаш // Вестник ТПУ. — 2012. — № 11 (126). — С.212-224.
2. Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в

- российско-украинском порубежье. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. геогр. наук. — М., 2010. — 25 с.
3. Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. доктора культурологии. — М., 2001. — 45 с.
4. Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филос.н. — Иваново, 2011. — 18с.
5. Замятин Д.Н. Идентичность и территория // Д.Н. Замятин // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). Отв. ред. И.С. Семенов. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 186-203.
6. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
7. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Кн. 1.: Образы российских республик в интернете // В.К. Малькова, В.А. Тишков. — М.: ИАЭ РАН, 2009. — 147 с.
8. Михайлов В.А. Тенденции эволюции русского этнического сознания (социально-психологический аспект) / В.А. Михайлов. — Ульяновск: Ульян. гос. техн. ун-т, 2001. — 242 с.
9. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. полит.наук. — Пермь, 2009. — 26 с.
10. Нарский И. Путешествие между университетскими мирами, или бремя свободы // И.П. Нарский // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 138-164.
11. Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // И.С. Семенов // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). Отв. ред. И.С. Семенов. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 8-12.
12. Симонова В.В. Интерпретации пространства представителями малочисленных народов Севера в различных социокультурных средах. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. — М., 2008. — 36 с.
13. Хотинец Ю.В. Этническое самосознание / Ю.В. Хотинец. — СПб: Алетейя, 2000. — 240 с.
14. Черняева Т. Город: производство идентичностей // Т.Черняева // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед.проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 116-137.
15. Lefebvre H. The Production of Space / H. Lefebvre. — Oxford: Blackwell, 1991. — 454 p.
16. Manzo L. Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places // L. Manzo // Journal of Environmental Psychology. — 2003. — №23. — P.47-61 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа:http://larch.be.washington.edu/people/lynne/docs/Beyond_house_and_haven.pdf
17. Massey D. A global sense of place // D. Massey // Space, place and gender. Cambridge, Polity Press, 1994. — P. 146-156.

18. Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place / B.S. Osborne. — DRAFT, 2001 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://clio.110mb.com/Osborne_Landscape.pdf

19. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // A. Paasi, K. Zimmerbauer // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. — № 71-72. — 2011. — P. 163-178.

20. Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // G. Raagmaa // *European Planning Studies*. — 2002. — Vol.10. — №1.

21. Tuan, Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Y.-F. Tuan // J. Agnew, D.N. Livingstone, A. Rogers (eds.) // *Human Geography. An Essential Anthology*. — Oxford: Blackwell, 1996. — P. 444-457.

Головнюва О. В. Структура регіональної ідентичності. — Стаття.

Анотація. В даній роботі на матеріалі аналізу вітчизняних та зарубіжних досліджень регіональної ідентичності пропонується її модель структурування, дається характеристика когнітивної, ціннісної, емоційної та регулятивної складової цього феномена. Виділені компоненти розглядаються як канали визначення та формування регіональної ідентичності. На основі змістовної характеристики структурних компонентів визначаються особливості регіональної ідентичності як форми колективної ідентичності.

Ключові слова: регіональна ідентичність, структура регіональної ідентичності, локальне, відчуття місця, колективна ідентичність.

Golovneva E. V. The Structure of regional Identity. — Article.

Summary. This paper deals with the consideration of theoretical model of regional identity and characterization of cognitive, axiological, emotional and regulative components in its structure. The defined components are considered to be the ways of description and creating of the regional identity. A specific attention is being paid to peculiarities of regional identity as a form of collective identity on base of characterization of structural components of this phenomenon.

Key words: regional identity, structure of regional identity, local, sense of place, collective identity.